

Проблема анализа Бытия как стратегический замысел герменевтики М.М. Хайдеггера

А.В. Источникова

Гуманитарный факультет МГТУ, кафедра философии

Аннотация. В статье автор рассматривает проблему истолкования Бытия представителем немецкой философии XX в. М. Хайдеггером. Главное внимание уделяется анализу его фундаментальной работы "Бытие и время", где раскрываются основные понятия философской герменевтики и феноменологии человеческого бытия.

Abstract. The author has considered the problem of interpretation of Being by a representative of the German philosophy of the XX century, M. Heidegger. A great attention has been paid to analysis of his basic work "Being and Time". In this work the author has revealed the basic ideas of philosophical hermeneutics and phenomenology of Human Being.

1. Введение

В XX столетии герменевтика перестала быть только теорией и практикой истолкования текстов, а приобрела статус философского направления, претендующего на самостоятельное место среди основных течений современной философской мысли. Сама возможность трансформации герменевтики в философию содержится в феноменологии. Рассматривая сознание как область значений или смыслов, последняя открывает простор для герменевтики, предоставляя ей возможности для интерпретаций. Весомый вклад в феноменологический подход к герменевтике внес Мартин Хайдеггер.

По Хайдеггеру, герменевтика представляет собой феноменологию человеческого бытия. Согласно его взглядам, акту сознания предшествует изначальная вовлеченность мыслящего в то, что им мыслится. Иными словами, он занимается первичным прояснением смысла текста (а затем уже его последовательно пересматривает), помещая себя в границы выявленной ситуации. С точки зрения Хайдеггера, тот способ, каким осуществляется такое (пред)нахождение, и представляет собой понимание, реализующееся через истолкование, интерпретацию. Это обстоятельство, по мнению Хайдеггера, служит непредвзятым свидетельством изначальной герменевтичности человеческого бытия.

В "Бытии и времени" Хайдеггер приходит к еще более широкой трактовке герменевтики; он определяет ее как попытку впервые определить существо истолкования. Таким образом, в отличие от тех ученых, для которых текст существует в виде предмета комплексных научных исследований в филологии, истории, лингвистике и т.д., Хайдеггера интересует постановка проблемы возможностей истолкования, значения герменевтики для понимания бытия. В данном случае герменевтическая позиция позволяет сфокусировать многообразие важных проблем в одной точке. Вопросы этики, эстетики, религии, значимые для человека, имеют один общий "исток", который заставляет задуматься над проблемой истолкования бытия.

2. Герменевтическая проблематика "Бытия и времени"

Герменевтические взгляды Хайдеггера в полном объеме раскрываются на страницах "Бытия и времени" (Хайдеггер, 1997). Работа нацелена на реконструкцию изначального интуитивного плана, пронизывающего содержательно-смысловую сторону целостной философской программы, получившей наименование – фундаментальная онтология.

Увлеченность историософскими идеями Гегеля (Figal, 1996), с которым Хайдеггер ведет активную полемику в "Бытии и времени", изначально отразилась на постановке проблемы соотношения исторического опыта по Гегелю (опыта всемирной истории, раскрываемого в терминах спекулятивной теологии) и истинностного аспекта такого опыта. Хайдеггер отказался от объективистски настроенного понимания истории как всеобщей и неизменной. Имея в виду главный труд Хайдеггера, заметим, что путь к самому себе в опоре на индивидуально-конкретный и событийно значимый опыт трансценденции определенно предполагает, что строение доличностных отношений в мире предшествует историческому фактору взаимодействия и самораскрытия. Напомним, что бытие-в-мире, как присутствие, предполагает конституируемый всеобщий для него аспект открытости, в котором впервые обнаруживает себя экзистенциал заботы. Качественное основание экзистенции, стремящейся прорвать пути затемненного, затерянного в повседневности безличных отношений существования и выйти к свету подлинных возможностей самобытия, показывает, что смысл заботы раскрывается, прежде всего, в перспективе исторического самоопределения личности как бытия к собственной смерти (бытие-к-смерти).

Болезнь и смерть, но также и вина, и страх – ключевые понятия, используемые другим мыслителем, от которого принято начинать отсчет экзистенциальной философии. Историософские идеи датского философа и писателя Кьеркегора, просматриваемые через собственный вариант диалектики, выдвинутый им в пику гегелевскому, оказываются на поверку едва ли не главным (наряду с дильтеевскими представлениями о

гуманитарной специфике наук о духе) аккордом сопровождения того звучания, которое получила проблема историчности у Хайдеггера. Гюнтер Фигаль, один из новейших биографов последнего, прямо указывает на существенный поворот, произошедший в способности немецкого мыслителя озадачивать себя главными вопросами бытия, после того, как творчество Кьеркегора нашло живой отклик у будущего автора "Бытия и времени" (Figal, 1996).

Один из лекционных курсов, прочитанных Хайдеггером в 1920-21 годах, был предведомлен цитатой из "Упражнения в христианстве" Кьеркегора. Личностный аспект переживания индивидуального опыта истории, занявший с некоторых пор ключевое место в размышлениях Хайдеггера о путях взаимодействия жизни и философии и оказавшийся созвучным индивидуально проживающему опыту (Хайдеггер, 1997) веры через мотив обновления и преображения ("болезнь не к смерти, но к жизни"), без всякого сомнения, открыл немецкому философу пути к радикальной постановке проблемы: мыслить бытие как событие. Сам Хайдеггер позднее говорит о том, что мы перестаем мыслить человека как разумное животное; сущностное превращение и преображение *animal rationale* в *Dasein* (Heidegger, 1994) становится начальным пунктом отказа от антропологических характеристик при попытке объяснить и обосновать феномен человека.

Обособление логоса от конкретики *personalitas psychologica* чрезвычайно существенно в разных отношениях, но в данном контексте всего важнее, что оно способствует выявлению его наиндивидуальной природы. Этот аспект является принципиальным для мышления Хайдеггера в целом. Кроме того, это обособление открывает возможность для более или менее адекватной постановки проблемы историзма, неизбежно искажаемой для взгляда из временности *Dasein*. К примеру, высвобождение горизонта исторического может помочь более полно осветить проблему избегания бытия – наличным. Наиболее полезным в этом плане, важным к тому же, поскольку вытекает из теории мира и мирности, представляется взгляд на своеобразие эпохи сквозь призму характерности логоса и его системности. Устойчивость применяемых средств составляет "протяжение" эпохи, о которой философ говорит как об изменении. "Скачок" – явное "передвижение стрелки на циферблате истории". Соотношение изменений и устойчивости этой системы дает меру для оценки взаимодействий бытийных способов у Хайдеггера. Ясно, что перепады рассеяния или обретения самости протекают в ином измерении, нежели изменения мира и его основания, структуры эпохального логоса, что эти перепады в сравнении с перестройками логоса выявляют подобие бытия-в-наличии, поскольку опираются именно на наличные средства действия.

Следует обратить внимание на то, что признание логоса в роли мирности хорошо вписывается и в другие стороны системы Хайдеггера. Исходя из него, с миром можно связать положение истины бытия, так как логос и является "местом" истины бытия. Но у Хайдеггера вопрос об истине бытия декларируется, о важности ее много говорится, однако сама она практически не раскрывается в анализе Хайдеггера, потому что у нее нет положения, места в его системе.

Но целью философа как раз и являлось уничтожение разноуровневости в трактовке субъективности. Таким путем ему удалось привести к единству чистую чувственность и чистое мышление. Как следствие, субъективность предстала в виде субъекта, отдельного индивида, который в отличие от традиционного субъекта именуется *Dasein* и понимается как бытие-в-мире. С кантовской точки зрения это практически означает растворение трех "ипостасей" в одной, *personalitas psychologica*.

В основание подхода, исповедуемого Хайдеггером, положен личностный опыт прозрения совершенно конкретного человека. Исторический аспект осмысления данного опыта, включающего понимание того, что несет с собой, к чему обязывает возможность услышать голос, зовущий, в своей онтологической определенности возвратного призыва, к подлинному бытию, голос, пробуждающий решимость ответственно совершить единственный в своем роде поступок и потому названный голосом совести, ведет к продумыванию основной ситуации взаимодействия тех форм, в которых забота изначально раскрывается как всеобщее структурное целое бытия-Вот (Heidegger, 1957). В подлинном смысле забота, своим призывом направившая бытие-Вот к собственной смерти, указывает на экзистенциальное будущее как на первичный модус обнаружения качеств, какие составляют ее бытийную устремленность к самобытности основания активно осуществляющего себя бытия-Вот, корнями своими уходит в прошлое, где из оставленности и упадка, составивших основной аспект для характеристики забвения Бытия, забота произрастает из сущности собственного призыва, то есть его "откуда" и "куда". В личностном плане такое понимание равнозначно тому, что прошлое не ушло безвозвратно для меня; с открывшимся пониманием призыва, означающим, что желание иметь совесть составляет подлинное основание всех поступков, на совершение которых я решаюсь в свете осуществления собственных возможностей самобытия, прошлое всегда уже контекстуально оформило, составило смысловое обрамление совершаемого мной: в аспекте непреходящей значимости свершившегося откровения.

Хайдеггер специально отмечает, что "лишь поскольку забота основывается в прошлом, бытие-Вот может экзистировать как брошенное сущее, каковое оно и есть. Пока же бытие-Вот экзистирует фактически, оно никогда не прошло, но всегда уже было в смысле «я есть бывший» (*ich bin gewesen*)" (Heidegger, 1957). Онтологическое представление феномена "бывшести" сразу оказывается в пункте выведения основной характеристики забвения, виновного бытия, так как то, что "было" действительно – это отпадение от бытийного

основания, которое и породило собственно функцию заботы. Понимание вины, проливающее свет на то, что было предано забвению, фактически и открывается навстречу тому, что "было" (но не минуло), когда бытие-Вот решает в поступке последовать туда, куда зовет его голос совести, туда – откуда он призывает.

Это постоянно присутствующие "куда" и "откуда" совести, составившие сущность призыва заботы назад, к подлинному основанию самобытия, тогда только и смогли представить на понятийном уровне: что есть то, что всегда уже было, но не прошло, когда решимость к поступку обрела бытийное основание подлинности в аспекте постоянства вины и экзистенции. Решимость, через понимание вины и страха выступившая в модусе заботы, составившая при этом ключевой пункт для реализации программы поиска смысла Бытия в аспекте следования самобытным возможностям бытия-Вот, обрела собственное основание подлинности, когда бытие к своей смерти стало для бытия-Вот абсолютно прозрачным.

О решимости Хайдеггер говорит, что "она прячет в себя подлинное бытие к смерти, как возможную экзистенциальную модальность своей собственной подлинности" (Heidegger, 1957). Эта предварительная решимость, не обратившаяся еще в конкретно осязаемые поступки, составляет модус заботы в том единственном аспекте понимания бытийных возможностей, в котором сама забота из абсолютного будущего, составляющего подлинный смысл экзистенциальности, указывает на абсолютное прошлое, где функциональные качества ее получили необходимое основание в онтологическом представлении факта забвения Бытия. Хайдеггер показывает, что вести осмысленный разговор о какой-либо модели историчности можно только с позиции того, каким предстает бытие-Вот в бытийном модусе заботы, то есть, какой способ связи и пункт взаимодействия форм обнаружения экзистенциальной структуры бытия-Вот соответствует актуальному пониманию выбора возможностей для осуществления бытийной программы самореализации. Интерпретация указанного способа взаимосвязи, касающаяся основания всеобщности заботы, выявляет подлинный смысл последней, раскрывающийся как экзистенциальная временность. В самом деле, изначальная устремленность бытия-Вот, которое последовало за призывом заботы, раскрылась как экзистенциальное будущее. "Подлинно будущее, – пишет Хайдеггер, – есть бытие-Вот бывшее (возвращение к своему прошлому). Подлинно бывшим бытие-Вот может быть, поскольку оно есть будущее. Бывшее возникает в определенной вариации будущего" (Heidegger, 1957). Настоящее, в котором осуществлена глубинная взаимосвязь будущего и прошедшего таким образом, что оно оказывается производно-выводимым из двух указанных аспектов историчности, сущностно принадлежащих выведению заботы в открытость единой онтологической структуры бытия-Вот, никогда не делается ни основным, ни даже самостоятельным пунктом представления горизонта временности, в котором понимание сможет приблизить самостное основание моего личного и личностного самоосуществления и спасения.

О спасении уместным представляется разговор не только в аспекте того, какое место было уделено в работе феномену откровения, но и вследствие того звучания, какое получила проблема исторического осмысления бытия личности, меня самого, в самом завершении анализа онтологической структуры бытия-Вот. Если исторический аспект осмысления того, что открылось в действительности с призывом совести быть самим собой, оказывается, как показывает в своей работе Хайдеггер, производным от трех основных модусов обнаружения заботы: прошлого, настоящего и будущего, и более того, – от сущностной взаимосвязи этих трех моментов историчности, то сам феномен настоящего-будущего, уходящего в прошлое, или будущего, прокладывающего в настоящем дорогу из прошлого, может быть назван в пункте своего обнаружения изначальной временностью. В том, что временность оказывается событийно окрашена в тона экзистенциального понимания того, что еще впереди, того, что уже "было" и того предстоящего, на которое направлена предварительная решимость ("vorweg", "schon", "vor", соответственно, в терминологии Хайдеггера), говоря другими словами, обнаруживает себя в этих трех формах историчности, автор "Бытия и времени" усматривает для нее основное определение: "Временность – замечает он, – раскрывает себя как смысл подлинной заботы" (Heidegger, 1957).

Понятно, что анализ временной структуры понимания оказывается в тесной связи с основанием экзистенции, которое берет на себя забота. Самостное основание экзистенции, открыто выступившее в понимании, качественно высветило характер действия заботы и то онтологическое установление, которым забота наделила бытие-Вот. Это означает, что сама забота вовсе не нуждается в гарантированной защите и обосновании со стороны Само (Heidegger, 1929), но напротив, наряду с подлинным установлением самобытия включает в свое структурное содержание состояние затерянности и упадка, то есть фактической несамостоятельности бытия-Вот. Временной аспект рассмотрения, раскрывающий смысл заботы, как раз и предполагает выведение в открытость понимания основного онтологического факта подлинности самораскрытия в модусе судьбы. Иными словами, историческое свершение, или то, что мы открыто признаем исторически значимым событием, изначальное и в подлинном своем смысле выступает в аспекте личностного самоустроения и обретения бытийных качеств самобытности через понимание призванности и посыла (Geschick и, соответственно, Ges-chichte) в этот мир, или, говоря языком самого Хайдеггера, изнутри этого мира, который и есть тот подлинный мир, в котором я существую, живу и умираю и который, как факт истории, просто без меня невозможен.

Реализуя интенцию видеть в Достоевском и Кьеркегоре провозвестников такого понимания философии, при котором мотив личностного самоосуществления оказывается главенствующим, раскрываемым через

действительно совершающееся событие откровения со мной самим, т.е. требующим феноменологического описания аспекта взаимодействия бытийно-событийных модусов единой структуры понимания, мы должны указать на пункт программы Хайдеггера, в котором собственные философские интуиции названных выше авторов получают дополнительное основание и определенное завершение в плане возможного достижения идеала полного избавления индивидуальной воли от болезни бессилия и нерешительности. Болезненные проявления воли показывают, по мнению этих авторов, что воля остается слепой и действует себе самой во вред до тех пор, пока не узнает благое для нее качество порабощенной, или "рабской" воли, подчиненной в своей направленности на поступки, действия, высшей воле Бога. Хайдеггер вовсе не стремится обнаружить искусственность в религиозном толковании указанной проблемы. Повторяем, что религиозный аспект отдан всецело на откуп верующим, и только вопрос о роли свершающегося откровения, о покаянии и свободном подчинении своей индивидуальной воли абсолютной воле Бога находится в прямой зависимости от ведущего религиозного мотива спасения. Впрочем, согласиться с мнением Э.Ю. Соловьева (1991), что "общий замысел фундаментальной онтологии – это неоиоризм", предстающий как "декларация Хайдеггера", "особого рода моральная проповедь и лишь затем методологический принцип, инструмент перестройки исторического знания и сознания", также не представляется возможным в свете обнаружения того основания, на котором вообще базируется возможность исторически существовать, понимать свое бытие как исторически значимое в опыте духовного самораскрытия, в событийном аспекте свершающегося откровения.

Другой известный исследователь, Б.Н. Бессонов замечает, что призывы "Сбудься!", "Пойми себя!", о которых ведет речь Соловьев, вообще не соотносимы с общей методологической схемой феноменологического освещения реально совершающегося события-откровения. "Озарение, прозрение наступит лишь тогда, когда человек беззаветно последует зову своей судьбы и миссии... человек впервые только и делается свободным, когда прислушивается к миссии, посылающей его в историческое бытие, приходя так к послушанию, но не к безвольной послушности" (Бессонов, 1995).

Не принимать пассивно свою судьбу, но выводить ее на острие активного взаимодействия со всем строем бытийных модусов заботы в аспект подлинного исторического свершения, то есть фактическим поступком открывать самостоятельно собственную судьбу для себя в отклике на призыв заботы к подлинному бытию личности – вот, думается, главный побудительный мотив, рождающий у читателя "Бытия и времени" понимание тех проблем, к которым в религиозном плане подводят труды Кьеркегора и романы Достоевского. Фактическое выправление воли совершается в модусе судьбы, через ее понимание. Понимание судьбы дает фактическое основание тому, что совершаемый поступок оказывается совершенно не случаен, что факт взаимодействия с тем модусом выведения во всеобщую открытость понимания моих собственных возможностей самореализации, выступившим в форме молчаливого призыва из упадка к подлинному самобытию, которое получило наименование заботы, освящен подлинным смыслом Бытия, экзистенциальной настроенностью на смысловое целое моей только жизни. Основной пафос хайдеггеровской философии раскрывается нами как воля к жизни, общий романтический пафос на пути обретения подлинного начала самобытности.

3. Заключение

Поиск бытия – непрекращающаяся проблема, и вопрос, как относиться к наследию Хайдеггера, тоже весьма непросто. Хайдеггер стал популярен в России по особым причинам, и его рецепции отличаются от тех, что даны Гадамером, Херрманном, Рикером и даже Деррида. Хайдеггер пошел по пути онтологизации герменевтики, способствуя превращению ее в учение о бытии и, тем самым, закрепляя ее философский статус. Вместо гуссерлевской трансцендентальной (ориентированной на сознание) феноменологии Хайдеггер предложил "герменевтическую феноменологию", в которой вопрос о смысле познанного стал равносильным вопросу о смысле существования. Понимание здесь выступает первоначальной формой человеческой жизни, а не только методологической операцией. По мнению Хайдеггера, герменевтика – это не столько правила интерпретации текстов, или методология, применяемая в науках о духе, сколько выражение специфики самого человеческого существования, ибо понимание и истолкование, по сути, – фундаментальные способы человеческого бытия, каковым является и сам язык.

Литература

- Figal G. Heidegger zur Einführung: 2, überarb. Aufl. *Hamburg, Junius*, S.11-22, 17, 1996.
Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). *Frankfurt, Klostermann*, S.3, 1994.
Heidegger M. Kant und das Problem der Metaphysik. *Bonn, F.Cohen*, S.183, 1929.
Heidegger M. Sein und Zeit: 8, unveränderte Aufl. *Tübingen, Max Niemeyer Verlag*, S.305, 326, 328, 383, 1957.
Бессонов Б.Н. М. Хайдеггер: экзистенция – вот сущность бытия человека. Феноменологическая онтология Хайдеггера: истоки, смысл, значение. *Социальная теория и современность. М., РАГС*, вып. 20, с.23, 1995.
Соловьев Э.Ю. Судьбическая историософия М. Хайдеггера. В кн.: *Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует о нас: Очерки по истории философии и культуры. М., Политиздат*, с.363, 364, 365, 1991.
Хайдеггер М. Бытие и время. М., *Ad Marginem*, с.42, 1997.